

**Олег Сергеевич
ГРИНЬ,**

директор

Центра мониторинга
законодательства
и правоприменения,
доцент кафедры

гражданского права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат

юридических наук, доцент
osgrin@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская,
д. 9

Генезис и формы личных обеспечительных сделок по римскому праву

Аннотация. В статье исследуются генезис и основные формы личных обеспечительных сделок в римском праве, а также их значение для понимания современных личных обеспечительных конструкций. На основе анализа Институций Гая, Дигест Юстиниана и романистической литературы показывается, что римское право не выработало общих положений об обеспечительных сделках, однако именно в нем получили последовательное оформление базовые модели личного обеспечения. Показано, что конструкция *adpromissio*, сохраняя акцессорный характер по отношению к основному обязательству, не сводилась к простой множественности лиц на стороне должника, поскольку возникала на самостоятельном основании и возлагала на лицо, предоставившее обеспечение, собственную обязанность перед кредитором. Раскрываются различия между *sponsio*, *fidepromissio* и *fideiussio* по виду обеспечиваемого обязательства, объему и сроку ответственности, а также по характеру отношений между сопоручителями. Специальное внимание уделяется праву исполнившего поручителя на возмещение понесенных затрат, эволюции соответствующих средств защиты от *actio depensi* к *beneficium cedendarum actionum* и формированию *beneficium excussionis* как предтечи субсидиарной ответственности поручителя. Анализируются также нестипуляционные формы личного обеспечения — *constitutum debiti alieni* и *mandatum qualificatum*, оказавшие влияние на последующее развитие европейского, и прежде всего германского, права. Обосновывается, что содержание обязанности лица, предоставившего личное обеспечение, в римском праве описывалось через категорию *praestare*, что позволяет говорить о специфической каузе обеспечительных сделок, отличающей их от иных сделок, оформляющих отношения классического товарообмена. Делается вывод, что уже в римском праве были заложены основы интегративного подхода к поручительству, при котором характер обязанности лица, предоставившего обеспечение, определяется видом обеспечиваемого обязательства, а сами личные обеспечительные конструкции образуют самостоятельную группу юридических актов со своей функцией, содержанием и каузальной направленностью. Полученные выводы имеют значение для современной цивилистической квалификации личных обеспечительных сделок.

Ключевые слова: римское право, обеспечительные сделки, личное обеспечение, договор, поручительство, акцессорность, солидарные обязанности, кауза

DOI: 10.17803/2311-5998.2026.138.2.164-175

Oleg S. GRIN,

Director of the Center for Legal Monitoring,
Associate Professor of the Department of Civil Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

osgrin@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Genesis and Forms of Personal Secured Transactions in Roman Law

Abstract. *The article examines the genesis and principal forms of personal security transactions in Roman law, as well as their significance for understanding modern personal security arrangements. Drawing on an analysis of Gaius' Institutes, Justinian's Digest, and Roman-law scholarship, it demonstrates that Roman law did not develop a general doctrine of security transactions; nevertheless, it was precisely within Roman law that the basic models of personal security received their most consistent elaboration. The article shows that the structure of *adpromissio*, while retaining an accessory character in relation to the principal obligation, was not reducible to mere plurality of persons on the debtor's side, since it arose on an independent legal basis and imposed upon the provider of the security an autonomous obligation toward the creditor. It further elucidates the differences among *sponsio*, *fidepromissio*, and *fideiussio* with regard to the type of secured obligation, the scope and duration of liability, and the nature of the relationships among co-sureties. Particular attention is given to the right of the performing surety to recover the expenses incurred, the evolution of the relevant remedies from *actio depensi* to *beneficium cedendarum actionum*, and the emergence of *beneficium excussionis* as a precursor to the subsidiary liability of the surety. The article also analyses the non-stipulatory forms of personal security — *constitutum debiti alieni* and *mandatum qualificatum* — which influenced the subsequent development of European, and especially German, law. It argues that in Roman law the content of the obligation assumed by the provider of personal security was conceptualized through the category of *praestare*, which makes it possible to speak of a specific *causa* of security transactions distinguishing them from other transactions used to structure relations of classical exchange. The article concludes that Roman law already laid the foundations for an integrative approach to suretyship, under which the nature of the security provider's obligation is determined by the type of the secured obligation, while personal security arrangements constitute an autonomous group of juridical acts with their own function, content, and causal orientation. These conclusions are of significance for the contemporary civil-law characterization of personal security transactions.*

Keywords: Roman law, secured transactions, personal security, contract, suretyship, accessoriness, solidary obligations, *causa*

Обеспечительные сделки являются одним из традиционных цивилистических институтов, имевших место в древних правовых порядках, но получивших наиболее системное оформление в римском частном праве, ставшем исторической основой современной континентальной юриспруденции. Важно отметить, что многие вопросы, которые в настоящее время возникают в отечественной науке и правоприменительной практике, находят свое решение в логике, заложенной в рамках системы римского права.

Поэтому обращение к вопросам генезиса и форм личных обеспечительных конструкций позволяет установить такие системные начала, отступление от которых при решении отдельных практических проблем было бы концептуально неверным.

В римском праве ожидаемо не обнаруживается каких-либо системных общих положений, которые были бы применимы к различным видам обеспечительных сделок — вещных и личных. Цивилистическая наука, как отечественная, так и зарубежная, решает эту задачу по сей день. При этом ряд правовых порядков идут по пути диверсификации регламентации вещных и личных обеспечительных конструкций, а другие, в том числе в российской правовой системе, избрали путь их систематизации в рамках единой категории. В главе 23 Гражданского кодекса РФ поименованы две разновидности личных обеспечительных сделок — поручительство и независимая гарантия.

Особый случай применения норм о поручительстве представляет собой ситуация, когда залог предоставляется третьим лицом (этот случай все равно квалифицируется как разновидность залога). Римскому праву не было известно применение неакцессорных обеспечительных конструкций, к которым относится независимая гарантия. Но определенные истоки институтов, которые отличаются от поручительства, также находят здесь свое отражение. Особо ценным таковой подход является на фоне зарубежных исследований, где для обозначения личных обеспечений используется терминология «зависимые и независимые личные обеспечения»¹.

¹ См.: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Personal Security / prepared by Ulrich Drobnig. Oxford University Press, 2007. P. 101—107.

Стипуляционные формы личного обеспечения

Центральное место среди вербальных контрактов по римскому праву занимала обязательственная форма *stipulatio*, возникавшая в результате устного обмена вопросом и совпадающим по содержанию ответом, посредством которого лицо принимало на себя положение должника. Эта конструкция допускала участие нескольких лиц как на активной, так и на пассивной стороне обязательства. Именно возможность такой множественности обусловила появление более сложных стипуляционных моделей, к числу которых относились корреальное обязательство, *adstipulatio* и *adpromissio*².

Корреальное обязательство предполагало наличие на одной из сторон правоотношения нескольких лиц, каждое из которых выступало как самостоятельный участник обязательственной связи. В зависимости от того, где именно возникала такая множественность, различались две его формы. Активная корреальность имела место в ситуации, когда несколько кредиторов одновременно обращались к должнику с одинаково сформулированным вопросом и получали на него единый ответ. Пассивная корреальность, напротив, возникала тогда, когда один кредитор поочередно, без промежутка во времени, задавал один и тот же вопрос нескольким должникам, а каждый из них отдельно подтверждал принятие на себя соответствующей обязанности. В дальнейшем данная модель стала исторической основой солидарного обязательства в его современном понимании. Для рассматриваемого вопроса принципиально, что такое обязательство опиралось на единое основание его возникновения. Отличие корреального обязательства от солидарного состоит прежде всего в основании его прекращения: если корреальность прекращалась уже в силу *litis contestatio*, то для прекращения солидарного обязательства требовалось исполнение³.

Конструкция *adstipulatio* предполагала включение в обязательство дополнительного кредитора, выступавшего не в собственном интересе, а в интересах основного кредитора. Как указывал Гай, всё полученное таким *adstipulator* от должника подлежало передаче главному кредитору (Гай. 3.111). Основанием возникновения данной связи служил самостоятельный вопрос, адресованный должнику добавочным кредитором уже после того, как тот ответил на вопрос первоначального кредитора (Гай. 3.112). Тем самым конструкция *adstipulatio*, в отличие от корреальности, не опиралась на единое основание возникновения обязательства. Практическое значение этой формы состояло, с одной стороны, в восполнении отсутствовавшего на тот момент института представительства, а с другой — в возможности обеспечить обещание, рассчитанное на исполнение после смерти кредитора, чего обычная стипуляция достичь не позволяла. Впоследствии, по мере развития иных юридических механизмов, данная конструкция утратила практическое значение и вышла из употребления⁴.

² Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. М., 1948. С. 382—393.

³ Дювернуа Н. Л. Основная форма корреального обязательства: историко-юридическое и критическое исследование по римскому праву. Ярославль, 1874. С. 7—8.

⁴ См.: Римское частное право : учебник. С. 395—396.

Значительно более важную роль играла иная стипуляционная конструкция, при помощи которой к обязательству присоединялся дополнительный должник, — *adpromissio*, она рассматривается как исторический предшественник современного поручительства. После того как основной должник отвечал на поставленный кредитором вопрос, тот обращался с отдельным вопросом к поручителю. С момента ответа последнего возникало обязательство *adpromissio*. Следовательно, подобно *adstipulatio*, оно имело собственное, самостоятельное основание возникновения, в рамках *adpromissio* за долг главного должника берет на себя ответственность другое лицо⁵. В Институциях Гая при характеристике *adpromissio* указывается: «За того, кто обещает (по стипуляции), часто также обязываются другие... в целях обеспечения кредитора» (Гай. 3.115; 3.117).

В Институциях Гая получило выражение то свойство *adpromissio*, которое и в современном праве составляет сущностный признак поручительства, — его акцессорный характер. Поручитель не вправе принять на себя обязанность в объеме, превышающем содержание долга основного должника, хотя принятие обязательства в меньшем размере допускается. Тем самым обязанность поручителя мыслится как зависимая по отношению к основному долгу: она существует лишь в качестве его дополнения (*accessio est principalis obligationis*), поскольку в придаточном отношении не может содержаться больше, чем в основном (*nes plus in accessione esse potest quam in principali re*) (Гай. 3.126).

Акцессорная природа *adpromissio* в римском праве в целом сохранялась последовательно, что подтверждается рядом положений, закрепленных в Дигестах Юстиниана⁶. Возникновение *adpromissio* связывалось с ответом дополнительного должника на один из установленных вопросов, в зависимости от формы которого различались *sponsio*, *fidepromissio* и *fideiussio*⁷. Сопоставляя эти разновидности, Гай указывал на близость правового положения *sponsor* и *fidepromissor*, отмечая вместе с тем доступность *fidepromissio*, в отличие от *sponsio*, не только римским гражданам, но и peregrinam. Напротив, положение *fideiussor*, по его замечанию, заметно отличалось от двух названных форм (Гай. 3.118).

Различия между указанными формами проходили по виду обеспечиваемого обязательства: *sponsio* и *fidepromissio* допускались лишь применительно к вербальным обязательствам, тогда как посредством *fideiussio* могло обеспечиваться любое обязательство, включая натуральное (Гай. 3.119); по объему и характеру

⁵ Покровский И. А. История римского права. М., 2004. С. 415.

⁶ Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2005. D.46.1: 5; 8.7-8.11; 16.1; 16.2; 34; 37; 38 pr; 55; 63; 68.1; 68.2; 70 pr; 73. См. также: Charles P. Sherman. Roman Law in the Modern World. New Haven (USA): New Haven Law Book Co., 1922. Vol. 2. P. 332.

⁷ Sponsor отвечал на вопрос: «Idem dare spondes?» — «Spondeo» («Ты обещаешь дать то же самое?» — «Обещаю»); fidepromissor отвечал на вопрос: «Idem fidepromittis?» — «Fidepromitto» («Ты честью обещаешь то же самое?» — «Честью обещаю»); fideiussio устанавливалась следующим образом: «Idem fide tua esse iubis?» — «Fide mea iubeo» («Ты своей честью приказываешь, чтобы было так?» — «Я приказываю своей честью»). См.: Гримм Д. Д. Полный перевод латинских слов и цитат из Догмы римского права. СПб., 1908. С. 87; Гай (3.116).

обязанности обеспечителям — в рамках первых двух конструкций обязанность связывала только самого обеспечителя, не переходила к его наследникам и, кроме того, прекращалась по истечении двух лет, в течение которых *sponsor* и *fidepromissor* считались обязанными, а обязанность *fideiussor* переходила по наследству и не была ограничена определенным сроком (Гай. 3.120, 3.121);

Разграничение этих форм проводилось по нескольким основаниям. Прежде всего они отличались по характеру обеспечиваемого обязательства: *sponsio* и *fidepromissio* могли сопровождать лишь обязательства вербального происхождения, тогда как конструкция *fideiussio* допускалась в обеспечение любого обязательства, в том числе натурального (Гай. 3.119). Существенное различие существовало и в содержании обязанности обеспечителя. В рамках первых двух конструкций ответственность носила строго личный характер, не переходила к наследникам и, кроме того, ограничивалась двухлетним сроком, в течение которого *sponsor* и *fidepromissor* считались связанными обязательством. Иное решение было свойственно *fideiussio*: обязанность *fideiussor* сохранялась без установленного срока и переходила по наследству (Гай. 3.120, 3.121). По квалификации отношений между сопоручителями *sponsio* и *fidepromissio* по общему правилу предполагали долевую ответственность нескольких обеспечителей, в то время как *fideiussio* — модель солидарной ответственности между ними (Гай. 3.122, 3.123).

В римском праве также нашло отражение построение правовых форм взаимодействия между должником и лицом, предоставившим личное обеспечение, которое в современной литературе именуется «отношениями покрытия». Решался данный вопрос применительно к праву на взыскание поручителем, исполнившим обязанность перед кредитором за должника. Лицо, исполнившее обязанность перед кредитором в качестве поручителя, независимо от конкретной формы личного обеспечения могло требовать от должника возмещения произведенных расходов в пределах внутреннего отношения, связывавшего их между собой. В римском праве такое отношение, как правило, осмыслялось через конструкции *mandatum* либо *negotiorum gestio*⁸. Особое положение занимали только *sponsores*, им был предоставлен специальный иск — *actio depensi*, посредством которого можно было взыскать с должника уплаченное в двойном размере (Гай. 3.127).

Римское право знало и общий количественный предел ответственности поручителей независимо от разновидности личного обеспечения: перед одним и тем же кредитором они не могли принимать на себя обязанность свыше двадцати тысяч сестерциев в течение года (Гай. 3.124).

Наличие таких ограничений — как в отношении сферы применения, так и в части объема и продолжительности ответственности, а также более мягкий режим во внутренних отношениях между сопоручителями снижали практическую эффективность *sponsio* и *fidepromissio* по сравнению с *fideiussio*. Именно этим объясняется последующее исчезновение первых двух форм из правового оборота.

⁸ См.: Дождев Д. В. Римское частное право : учебник для вузов. М., 1996. С. 458.

Квалификация требования исполнившего поручителя

Корни современной цивилистической дискуссии о корректности квалификации требования исполнившего поручителя по правилам о регрессе или суброгации также обнаруживаются в римском праве.

Исполнивший поручитель мог потребовать от кредитора передачи ему соответствующих исковых притязаний (*beneficium cedendarum actionum*). При этом получение кредитором денежных средств от поручителя не квалифицировалось как прекращение основного обязательства исполнением; такая ситуация понималась, скорее, как особая форма передачи долга должнику уплатившему поручителю (D. 46.1.17; 46.1.36)⁹.

По наблюдению И. А. Покровского, с течением времени *beneficium cedendarum actionum* фактически вытесняет *actio depensi*¹⁰. Вместе с тем отдельные места Дигест продолжали связывать требование поручителя, исполнившего обязательство за должника, не с уступкой исков как таковой, а с внутренним отношением между ними, квалифицируя его как иск, основанный на *mandatum* либо *negotiorum gestio* (D. 46.1.4 pr.; 46.1.18; 46.1.21.5). Подобное понимание получило продолжение и в германской доктрине, где допускается рассмотрение связи между поручителем и должником через конструкции поручения или ведения чужих дел без поручения¹¹. Именно в этой логике в Германском гражданском уложении было закреплено право поручителя требовать от должника освобождения от поручительства (§ 775)¹². Сходные по направленности положения известны и законодательству ряда других европейских государств¹³.

В юстиниановскую эпоху получила дальнейшее развитие линия, которая впоследствии легла в основу представления о субсидиарном характере ответственности поручителя. Если современное российское право не исходит из презумпции солидаритета, то для многих европейских правовых порядков именно субсидиарная квалификация обязанности поручителя является основной. Истоки такого подхода связываются с 4-й новеллой Юстиниана 535 г. (гл. I), в которой поручителям предоставляется *beneficium excussionis sive ordinis*. Смысл этого возражения состоял в том, что поручитель, ранее отвечавший наравне с главным должником, получал возможность настаивать на первоначальном обращении взыскания на имущество самого должника¹⁴.

⁹ См.: *Дождев Д. В.* Указ. соч. С. 460—461.

¹⁰ См.: *Покровский И. А.* История римского права. М., 2004. С. 417.

¹¹ См.: *Basil S. Markesinis, Hannes Unberath, Angus Johnston.* The German Law of Contract: a Comparative Treatise. Oxford and Portland, Oregon : Hart Publishing, 2006. P. 161.

¹² Германское гражданское уложение // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 01.12.2025).

¹³ См.: Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. P. 289—290.

¹⁴ См.: Римское частное право : учебник. С. 400.

Нестипуляционные обеспечительные конструкции

Помимо стипуляционных форм личного обеспечения, римскому праву были известны и конструкции, возникавшие вне стипуляции, прежде всего *constitutum debiti alieni* и *mandatum qualificatum*. Именно они в дальнейшем оказали существенное воздействие на становление отдельных институтов современного европейского частного права.

Конструкция *constitutum debiti* относилась к числу пактов, которым претор предоставлял исковую защиту, и представляло собой неформальное обещание исполнить уже существующий долг. Такая конструкция могла использоваться как для подтверждения собственного долга (*constitutum debiti proprii*), так и для принятия на себя долга другого лица (*constitutum debiti alieni*). В первом случае она обычно служила средством отсрочки исполнения для самого должника; во втором — могла преследовать различные цели: либо устранение ответственности первоначального должника, либо установление личного обеспечения в пользу кредитора. От *fideiussio* данная форма отличалась прежде всего отсутствием строгой формальности. Кроме того, если такое обеспечение принималось на условиях, более обременительных, чем содержание основного долга, это не влекло его недействительности: соответствующее обязательство подлежало приведению в соответствие с основным отношением¹⁵.

В современном германском праве функционально близкое значение имеют конструкции *Schuldversprechen* (§ 780 ГГУ) и *Schuldanerkenntnis* (§ 781 ГГУ). Вместе с тем в доктрине подчеркивается, что *Schuldanerkenntnis* не квалифицируется как разновидность поручительства. Основанием для такого разграничения служит его абстрактный характер, тогда как поручительство относится к числу каузальных сделок¹⁶.

Mandatum qualificatum — особая разновидность *mandatum*, в рамках которой одно лицо поручало другому предоставить кредит третьему лицу¹⁷. Д. Д. Гримм характеризовал эту конструкцию следующим образом: если субъект поручает другому открыть кредит в интересах третьего лица, например, выдать ему заем либо предоставить отсрочку платежа, то давший такое поручение принимает на себя ответственность за исполнение соответствующего долга со стороны этого третьего лица¹⁸. Тем самым между поручающим и лицом, исполняющим поручение, складывается правовая связь, функционально приближающаяся к поручительству. По этой причине требование к такому лицу традиционно осмыслялось как вытекающее из договора поручения.

Дальнейшее развитие данной модели обнаруживается в германском праве, где ей соответствует конструкция *Kreditauftrag*. По смыслу § 778 ГГУ лицо, поручившее другому предоставить кредит третьему лицу от собственного имени и за собственный счет, отвечает перед ним по обязательству, возникшему у этого

¹⁵ См.: Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. М., 2003. С. 413—414.

¹⁶ См.: Вебер Х. Обеспечение обязательств (*Kreditsicherungsrecht*) / пер. с нем. Ю. М. Алексеева, О. М. Иванова. М., 2009. С. 10.

¹⁷ См.: Римское частное право : учебник. С. 517—518.

¹⁸ Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. С. 414.

третьего лица вследствие выдачи кредита, в положении поручителя. При этом само кредитное поручение в зависимости от возмездного или безвозмездного характера отношения квалифицируется либо как договор поручения (§ 662 ГГУ), либо как договор о ведении дела (§ 675 ГГУ), хотя применение к нему правил о поручении не является полным. В германской литературе специально подчеркивается, что *Kreditauftrag* не совпадает с договором поручительства, и поручение может быть отозвано после принятия вплоть до момента фактического предоставления кредита¹⁹.

Основание и содержание обеспечительного отношения

Анализ римских источников позволяет заключить, что поручительство, сохраняя зависимый характер по отношению к основному обязательству, тем не менее рассматривалось как самостоятельная форма личного обеспечения, которая не может быть сведена к простой множественности лиц на стороне должника. Данный вывод также подтверждается следующим фрагментом Дигест: «Подобно тому, как основной должник обязывается не иначе, как если он дает стипуляционное обещание от своего лица, так и поручители обязываются не иначе, как если они обещают, что они сами должны будут что-то предоставить или сделать. Ведь напрасно они обещают, что основной должник что-то должен будет предоставить или сделать, поскольку бесполезно обещать чужое действие» (D. 46.1.65).

Тем самым римское право исходило из того, что поручитель принимает на себя не чужую, а собственную обязанность, содержание которой определяется через необходимость совершения им определенного предоставления в пользу кредитора. Вместе с тем универсального решения вопроса о природе такого предоставления римские источники не содержат. Из анализа казусов, зафиксированных в Дигестах, следует, что содержание обязанности поручителя ставилось в зависимость от характера того обязательства, исполнение которого обеспечивалось.

Как и в современном обороте, в римском праве наиболее распространенным объектом обеспечения выступали денежные обязательства (D. 46.1.8.10; 15.1; 16.6; 21.4; 24; 36; 49.1; 55; 58 pr.; 63). Смысл такого личного обеспечения заключался в том, что при неисправности основного должника уплатить соответствующую денежную сумму обязуется поручитель.

Римские источники показывают, что сфера применения поручительства не ограничивалась денежными обязательствами. Из общего подхода, допускавшего обеспечение любого обязательства (D. 46.1.8.6), вытекала возможность использования поручителя и в иных обязательственных ситуациях. В Дигестах встречаются примеры, связанные с обязанностью выполнить работу (D. 46.1.44), передать имущество по договору купли-продажи (D. 46.1.45), а также обеспечить предоставление узурфрукта (D. 46.1.70.2). В подобных случаях нарушение основного обязательства не вело к возложению на поручителя обязанности в натуре воспроизвести поведение должника; правовым следствием становилось

¹⁹ Вебер Х. Указ. соч. С. 15—160.

присуждение его к денежной сумме, компенсирующей вызванные нарушением потери кредитора.

Поэтому истоки интегративного подхода к пониманию поручительства, суть которого сводится к определению характера и квалификации обязанности поручителя в зависимости от вида обеспечиваемого обязательства²⁰, находятся именно в римском праве.

Из известной триады римского права, определяющей содержание договорного обязательства: *dare* (передать), *facere* (совершить действие), *praestare* (гарантировать) — содержание обязанности лиц, предоставивших обеспечение, определялось через последнюю категорию. Это особенно заметно в сфере личного обеспечения. Так, в D. 19.1.24.2 указывается: *fideiussor venditionis omnia praestare debet*, т.е. поручитель по обязательству из купли-продажи должен обеспечить весь объем того, что подлежало бы предоставлению по соответствующему обязательству; в D. 44.4.15 говорится, что *fideiussor evictionis... omnia praestare paratus est, quae iure empti continentur*, и тем самым *praestare* связывается уже с обеспечением всего интереса покупателя, охватываемого иском из купли; в D. 46.1.36 тот же термин используется для обозначения обязанности кредитора после получения исполнения от одного из поручителей *praestare actiones*, т.е. предоставить ему соответствующие иски. Равным образом такие примеры относятся и к сфере вещного обеспечения (D. 13.7.14; 13.7.25; 13.7.30; 13.7.31).

Таким образом, в римском праве были заложены основания для выделения у обеспечительных сделок специфической каузы, которая отличает такие сделки от классических юридических актов, оформляющих отношения товарооборота, где их участники в качестве встречных предоставлений обмениваются соразмерными ценностями. Обеспечительные сделки работают в иной каузальной парадигме, где речь идет о намерении на собственно обеспечение.

Выводы

Анализ римских источников показывает, что личные обеспечительные сделки уже на ранних этапах развития частного права получили достаточно четкое догматическое оформление. Прототипом современного поручительства выступила конструкция *adpromissio*, которая, сохраняя акцессорный характер по отношению к основному обязательству, не сводилась к простой множественности лиц на стороне должника, поскольку возникала на самостоятельном основании и возлагала на поручителя собственную обязанность перед кредитором. Этот подход является принципиально важным, поскольку в настоящее время идея о том, что поручительство нельзя рассматривать как форму множественности лиц, не является общепризнанной как в науке, так и в правоприменительной практике.

Различие между формами *sponsio*, *fidepromissio* и *fideiussio* проводилось по виду обеспечиваемого обязательства, объему и продолжительности ответственности, а также по характеру отношений между сопоручителями, что в конечном

²⁰ См.: Гражданское право : учебник : в 2 т. М. : Проспект, 2020. Т. 2 / под ред. Е.Е. Богдановой. С. 279—280.

счете предопределило историческое вытеснение первых двух форм и доминирование *fideiussio*.

Не менее важно, что римское право выработало и внутреннюю логику отношений между поручителем, должником и кредитором. Она проявилась как в моделях возмещения исполнившему поручителю понесенных затрат через *mandatum* и *negotiorum gestio*, так и в развитии специальных средств защиты — *actio depensi*, *beneficium cedendarum actionum*, а позднее и *beneficium excussionis*. Помимо обеспечительных моделей, возникавших в рамках стипуляции, римское право знало и иные формы личного обеспечения, не связанные с этой вербальной конструкцией. К их числу относились *constitutum debiti alieni* и *mandatum qualificatum*. Именно эти институты впоследствии стали одним из источников формирования ряда европейских правовых решений, особенно в германской правовой традиции.

В целом проведенный анализ позволяет сделать более общий вывод: личное обеспечение сформировалось как особая правовая конструкция со своей функцией и каузой. Именно этим объясняется использование категории *praestare* для характеристики содержания обязанности лица, предоставившего обеспечение. Уже в римском праве были заложены основы интегративного подхода к поручительству, при котором содержание обязанности поручителя определяется через обеспечиваемое обязательство, а сами обеспечительные сделки выделяются в самостоятельную группу юридических актов, отличную от сделок товарного обмена по своей цели, функции и каузальной направленности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вебер Х. Обеспечение обязательств (Kreditsicherungsrecht) / пер. с нем. Ю. М. Алексеева, О. М. Иванова. — М., 2009. — 480 с.
2. Гражданское право : учебник : в 2 т. — М. : Проспект, 2020. — Т. 2 / под ред. Е. Е. Богдановой. — 418 с.
3. Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. — М., 2003. — 496 с.
4. Гримм Д. Д. Полный перевод латинских слов и цитат из Догмы римского права. — СПб., 1908.
5. Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2005.
6. Дождев Д. В. Римское частное право : учебник для вузов. — М., 1996. — 704 с.
7. Дыдынский Ф. Институты Гая, текст и перевод с введением и примечаниями. — Варшава, 1892.
8. Дювернуа Н. Л. Основная форма корреального обязательства: историко-юридическое и критическое исследование по римскому праву. — Ярославль, 1874.
9. Покровский И. А. История римского права. — М., 2004. — 540 с.
10. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого и И. С. Перетерского. — М., 1948. — 583 с.
11. Basil S. Markesinis, Hannes Unberath, Angus Johnston. The German Law of Contract: a Comparative Treatise. — Oxford and Portland, Oregon : Hart Publishing, 2006.

12. *Charles P. Sherman*. Roman Law in the Modern World. — Vol. 2. — New Haven (USA) : New Haven Law Book Co., 1922.
13. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Personal Security / prepared by U. Drobnig. — Oxford University Press, 2007.